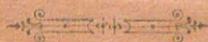

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Р 310
430

Начало и сущность
Коммунизма
(о марксистском методе).

КНИГА № 1
СБОРНИК

для совпартшкол и вечерних школ политеграмоты

Издание

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Р 310
430

Начало и сущность
Коммунизма
(о марксистском методе).

СБОРНИК

для совпартшкол и вечерних школ политехграмоты

Издание Калгубкома Р.К.П. (6.)

„ВЕЛИКИЙ СОЦИАЛИСТ“.

Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени.

Г. В. Плеханов.

Среди учеников Маркса один из самых великих, вне сомнения, — Георгий Валентинович Плеханов.

Светлый ум Плеханова оставил глубокие следы во всех тех областях знания, которых он касался. Экономия, философия, история, литература находили в лице Плеханова ученого исследователя-марксиста. Его труды в каждой из этих областей сделали Плеханова одним из международных авторитетов в вопросах научного социализма, к голосу которого с одинаковым вниманием прислушивались и сторонники и противники.

Но Плеханов был не только теоретиком социалистической мысли, он являлся и практиком социалистического дела. Его работа в Российской социал-демократии, его участие в Интернационале делают Плеханова одной из центральных фигур международного рабочего движения, последних десятилетий.

Есть что то такое, что объединяет воедино и теоретическую научную мысль и практическую политическую деятельность Плеханова. И та и другая проникнуты героической верностью клятве, которую Плеханов когда-то с юношеским жаром приносил на верность свободе:

— Великий гений свободы! Я поклоняюсь твоим священным призывам, на каком бы языке ни выражались они, какие бы уста ни произносили их; я никогда не изменю тебе, Истина, где бы ни обитала ты: в пролетарском подвале или буржуазном особняке.

Какую бы страницу жизни Плеханова вы не развернули, она говорит о том, что Георгий Валентинович был всегда верен себе. Выступает ли он как философ-диалектик или как литературный критик, как историк общественной мысли или как политический оратор, мы всегда встречаем в лице Плеханова глашатая идеи нового класса, появившегося на исторической арене—пролетариата, сурового и непреклонного бойца за социальную правду, всю жизнь знавшего «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». То была дума об освобождении труда от капитала, то была страсть революционной борьбы.

Между тем о Плеханове рабочий класс России знает исключительно мало. Виной тому целый ряд причин: множество произведений Плеханова, напечатанных когда-то за рубежом, до сих пор не переизданы; другие, напечатанные в России, почти исчезли с рынка и представляют собою книжную редкость; многое из написанного Плехановым окунает читателя в самую гущу сложных научных вопросов и потому требует большой предварительной подготовки. Мы не имеем ни одного исследования о Плеханове.

В последнее время, однако, в среде марксистской интеллигенции и рабочего класса начинает обнаруживаться большая тяга «к Плеханову». В результате, Государственное Издательство приступает к выпуску полного собрания сочинений Плеханова, его имя все чаще мелькает в марксистских журналах, поднят даже вопрос о создании кабинета по изучению Плеханова при Социалистической академии наук.

Эти начинания развернут пред рабочим классом России огромное богатство духовного наследия великого социалиста, а из Плехановского арсенала ведь еще долго будут брать оружие все те, которые на фронте науки и фронте политики творят славное дело рабочего класса.

* * *

Г. В. родился в годину Севастопольской войны—25 ноября 1856 г. в имении Гудаловка, Липецкого уезда, Тамбовской губернии.

Один из друзей детства Плеханова так характеризует среду, в которой рос маленький Жорж, ту прочную, суровую среду, в которой, по слову поэта, «поколения людей живут бессмысленней зверей, живут и гибнут без следа и без урока для детей»:

— Семья большая. Отец Валентин Петрович—образцовый хозяин. Человек независимого и крутого нрава. Гнетет все и всех

в доме. Зато приучает детей к порядку и дисциплине. Не допускает сидеть без дела. Мать—Мария Федоровна—урожденная Белинская (племянница гениального критика). Вторая жена и много моложе своего мужа. Женщина редких душевных качеств. Недурно образованная. Владеет свободно европейскими языками. Считается хорошей учительницей. Сама занимается с пасынками и падчерицами. Сама готовит сына в гимназию. К «людям»—крепостным относится гуманно с какой-то робкой стыдливостью¹⁾.

Ребенок общается с дворней и с деревенскими мужиками. Перед ним проходит их быт. Его лучший друг—кучеров сын Петруша. И горько горько плачут оба мальчика при расставании, когда в 63 году—в силу акта об освобождении—окончательно уходят от помещиков дворовые...

Мальчиком Плеханов поступает в Воронежскую военную гимназию. Отлично учится. Успешно кончает.

По происхождению и воспитанию, как мы видим, Георгий Валентинович мог принадлежать к угнетателям—«к ликующим, праздно болтающим», но как он сам указал в одной из своих речей, любовь к угнетенной народной массе со дней юности на всю жизнь увела его в стан погибающих за великое дело.

Эта преданность народу как то сказалась в следующем случае, характеризующем Плеханова—юношу, уж тогда проявлявшего ту непреклонность воли, которая так характерна для всей его жизни.

После смерти старика Плеханова его жена решила продать имение. Последнее собрались купить крестьяне, но подвернулся кулак—купец, предложил большую цену и мать Г. В. решила имение продать ему. Про это узнал Георгий. Как, он, демократ, он, Петрушин друг, допустит, чтобы имение его отца досталось кулаку! «Продадите купцу», заявляет он матери, сверкая глазами,—«я сплю первую жатву и сам пойду на каторгу. Выбирайте...». Земля досталась крестьянам...

По окончании гимназии, Плеханов уехал в Петроград, где поступил в Константиновское юнкерское училище. Здесь он принимает участие в организации революционных ячеек. Понятно, однако, что живой, развитой, революционно настроенный юноша не мог свыкнуться с мертвящей воинской муштрой юнкерского училища. В 1874 г.—т. е. восемнадцати лет, Плеханов уже студент Горного института.

¹⁾ П. Дневничкий. Воспоминания. Однодневная газета памяти Г. В. Плеханова. Петроград, 9 июня 1918 г.

Здесь, сблизившись с бунтарями—народниками, Плеханов начинает вытягиваться в революционную работу.

То было время, когда хождение «в народ»—в деревню было разгромлено и революционная работа бунтарей начала сосредоточиваться в городских центрах, где собирались уцелевшие от разгрома небольшие силы революционных работников.

Плеханов сошелся с некоторыми из таких работников, завязал связи с передовыми рабочими петроградских фабрик, зараженных народнической агитацией. Когда среди этих рабочих возникла мысль устроить рабочую демонстрацию, Плеханов с увлечением отдался осуществлению этой мысли.

В результате и состоялась 6 декабря 1876 года знаменитая демонстрация у Казанского Собора, явившаяся пощечиной, нанесенной правительству революционно настроенным питерским пролетариатом, тогда еще, правда, не сознавшим себя как самостоятельную классовую единицу, но находившимся уже во власти революционных настроений.

«1876 года, 6 декабря, в понедельник»—гласит обвинительный акт «по делу о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади в С.-Петербурге»,—после богослужения из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин, снял шапку и начал громко говорить, горячась и размахивая руками. Молодой человек говорил, как показывают свидетели, о гнете Правительства и его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, каковы Чернышевский и др., о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках «браво» и аплодисментах столпившейся около говорившего молодежи».

Этот «молодой человек», имя которого так и осталось неизвестным правительству был Георгий Валентинович Плеханов. Едва Плеханов закончил, свою полную революционного огня и воодушевления речь, как на демонстрантов напала полиция. Счастливая случайность избавила Г. В. от расправы царских городовых. Рабочий Митрофанов сорвал с Плеханова шапку, набросил ему на голову башлык и в таком виде вывел его из толпы. Арестованные участники демонстрации расплатились за нее многолетней каторгой. Казанская демонстрация как первый активный и гласный протест, вышедший из недр питер-

ского рабочего класса, против деспотического режима, сыграл огромную роль в деле революционизирования народного сознания. Весть о демонстрации проникла в медвежьи углы России, а рабочие еще долго распевали на своих фабриках и заводах о том:

«Как на площади Соборной

«В столице русского царя

«Земли и Воли флаг народной

«Взвился шестого декабря».

После Казанской демонстрации, бывшей его первым боевым крещением в огне революции, Плеханов весь уходит в революционную работу. В его жизни начался трехлетний период нелегальщины, скитания по городам и весям России, кипучей деятельности в подполье. В это время Г. В. выдвигается как один из наиболее активных работников организации «Земля и Воля». В качестве неутомимого пропагандиста Плеханов то работает на питерских фабриках, то на Волге, на юге России—в Харькове и Киеве.

Когда в 78-м году вспыхивают на фабриках и заводах Петербурга экономические волнения, Плеханов старается использовать эти волнения в революционных целях. При его близком участии возникают стачки на Новой Бумагопрядильне, фортопианной фабрике Беккера, табачной—Шапшала, Патронном заводе, где Плеханов однажды даже бросается с оружием в руках на полицейских, пытающихся арестовать рабочего... Недремлющее око царского правительства—III-е Отделение подымает на ноги своих агентов, которым поручает искоренить гнусную крамолу. Любопытно отметить, что охранники как-то инстинктивно связывают движение на заводах с «высоким блондином» с Казанской площади. Недавно опубликованные материалы, извлеченные из недр полицейского архива показывают как этот таинственный «блондин» во-истину не давал покоя III-му Отделению. Донесения филеров пестрят приметам таинственного крамольника, устанавливается его фамилия (Плутанов, Брюханов, Плюганов), за ним организуется слежка, нередко приводящая к курьезным недоразумениям, основанным на сходстве Плеханова то с каким-то статским советником, то с другим столь же благонамеренным обывателем.

Летом 78 года мы видим Плеханова на далеком Дону, где он старается использовать для политической пропаганды недовольство казаков новым земством. Плеханов составляет прокламацию «К слав-

ному войску Донскому» и едет в Петербург печатать ее. Здесь, однако, он узнает о большом партийном провале, в результате которого вся организация была разгромлена...

Последствия провала, рассказывал Плеханов, были так тяжелы для нашей организации, что приходилось на время отказаться от всякой мысли об участии ее членов в агитации между казаками: надо было прежде всего восстановить центр, разрушенный опустошительным полицейским набегом. Я немедленно вызвал Ал. Михайлова из Ростова, и когда он, несколько дней спустя, вернулся в Петербург, я в первый раз услышал от него то мнение, что нам нельзя ставить себе задачу широкой агитации в народе, так как наши силы для этого слишком малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирепые преследования.

То было время, когда—по слову Степняка-Кравчинского,— на горизонте обрисовалась сумрачная фигура, озаренная точно адским пламенем, которая с гордо поднятым челом и взором, дышавшим вызовом и мстью, стала пролагать свой путь среди уstraшенной толпы... То был террорист.

Мысль об отпоре правительству вооруженной рукой отдельных храбрецов встретила в лице Плеханова убежденного противника. Плеханов считал, что изменение политических условий существования в стране может быть достигнуто лишь путем широкого — массового движения, всякие же разрозненные выступления героев—одиночек ни в чем не приведут.

Разногласия Плеханова с его товарищами по революционной работе особенно резко проявились на Воронежском съезде «Земли и Воли», который был созван в 1879 году для решения вопроса о терроре. Большинство съезда признало террор единственным действительным средством борьбы с правительством и постановило усилить его применение.

Тогда Плеханов заявил, что решение съезда он считает изменой делу народа и потому выходит из общества. Передают, что когда Плеханов, сделав это заявление, поднялся с места, чтобы покинуть съезд, София Перовская крикнула: „Удержите этого безумца, куда он уходит от нас?“. Плеханов, уходя, ответил: «Нет, мне с вами не по дороге, я должен порвать с вами, несмотря на то, что мы были связаны теснейшими узами». И узы были порваны...

Момент разрыва Плеханова с „Землей и Волей“ своей трагичностью запечатлелся в сознании всех почти участников Воронежского съезда, которые останавливаются на нем в своих воспоминаниях.

Польский беллетрист Брежзовский отразил даже этот момент в художественной литературе. Изобразив в одном из своих романов, посвященных русской революционной жизни, Плеханова под именем Кирсанова, он дает исключительной силы и красоты образ последнего.

Прощаясь со своими товарищами, вступившими в террористический поединок с царизмом, Кирсанов говорит:

— Тяжело мне... Все вы будете так уходить один за другим, а я останусь здесь на ваших могилах. Убеди меня, что это нужно, убеди меня, что я имею право умереть...

— Нет, сказал Соловьев. — Ты будешь жить, потому что мыслью ты выше нас. Ты должен вынести свою собственную мысль.

— Я предпочел бы идти с тобою.

Знаю, Жорж! Ты силен. Мысль твоя крепкая, здоровая. Ты выдержишь. Необходимо, чтобы ты жил, чтобы был кто-нибудь кроме ночи над трупами, чтобы мысль оставалась в глубине и продолжала ковать без перерыва.

— А в это время будет сочтаться в подземельях наша кровь. И она будет кричать: роешь, крот, живешь...

— Умирая, я буду думать: куют в подпольях мысль, нашу мысль. Жорж! Будь кузнецом железной мысли русского народа! Мы оставляем тебе воспоминание о нас. Пусть это будет твоим молотом. Тебе предстоит выковать стальную мысль в душах рабов...

Вскоре после Воронежского съезда Плеханов встретился в С-Петербурге с несколькими видными землевольцами—Верой Засулич, Львом Дейчем и Яковом Стефановичем. Оказалось, что все они в вопросе о терроре занимали ту же позицию, которую Плеханов защищал на Воронежском съезде.

Эта немногочисленная группа и решила выделиться из «Земли и Воли» в самостоятельную фракцию, отрицавшую террор и отстаивавшую „хождение в народ“. Таким образом общество „Земля и Воля“ распалось на две организации—«Народную Волю», стоявшую на позиции Воронежского съезда и „Черный Передел“, разделявший взгляды Плеханова и его единомышленников.

Как известно, после убийства Александра II «Народная Воля» была разгромлена. Однако, и «Черный Передел» не обнаружил особой

устойчивости. Значительная часть его членов, разочаровавшись в идее „хождения в народ», перешла на сторону террористов.

К этим причинам внутреннего свойства присоединились и факты совсем иного порядка. В январе 1880 года была арестована типография «Черного Передела», арестованный наборщик Жарков выдал всех участников организации и Плеханову, спасаясь от неминуемой каторгия пришлось бежать за рубеж...

В марте Георгий Валентинович был уже в Женеве.

* * *

Оторванный от практической деятельности, Плеханов отдается за границу изучению научного социализма, пытаясь найти ответ на те многочисленные вопросы, которые не раз возникали и у него еще в России. Г. В. поставил своей задачей „дать себе серьезный, основанный на обстоятельном знакомстве с литературой предмета отчет о том, что же собственно представляет собою современный социализм и в какой мере и почему он исключает „политику“.

Этот вопрос, выльвшийся пред Плехановым за рубежом, явился результатом той настоятельной необходимости, которую он почувствовал еще в России—проверить теоретические основы народничества, выяснить соответствует ли народническое учение основам научного социализма или же оно находится в некотором противоречии с ними.

Как известно, тем фундаментом, на котором покоилась народническая теория, была вера в то, что Россия совершает свой исторический путь совершенно иначе, нежели народы Западной Европы. Народники унаследовали от А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского их убеждение в том, что сохранившаяся в России обширная форма владения землей направит историю этой страны по особым, «самобытным» русским рельсам, резко отличным от тех, по которым движутся западно-европейские страны.

Земельная община—так свято веровали народники—явилась теми дрожжами, на которых выросли и развились социалистические привычки русского народа. Эти привычки, по мнению народников настолько внедрились в сознание русского крестьянства, что они говорили о «врожденной социалистичности» его. Земельная община была той осью, вокруг которой вращались все идеи и мысли народников. Община, крестьянский «сход» и крестьянский «мир» позволяют России миновать долгий и мучительный путь капиталистического развития,

тяжкое иго которого несут европейские народы. Общинная, крестьянская, мужицкая Русь, Русь десятков тысяч деревень не будет вариться в европейском фабричном котле. Россия, минуя капитализм, сделает прыжок непосредственно в царство социализма. Мост, по которому Россия войдет в это царство—община.

Из этих основных положений своей теории народники делали и соответствующие выводы. Все свои надежды на освобождение России от деспотизма они связывали с крестьянином. Лишь крестьянин, этот живой носитель общинного начала, этот «коммунист по инстинкту» мог, по мнению народников, осуществить в России социализм. Россия, благодаря общине, избавлена от необходимости пройти чрез капиталистическую ступень развития; тем самым Россия спасена и от «язвы пролетариата»...

Вот почему народники, говоря словами одного из историков русского социализма, «оплакивали результаты нашествия «чумазого», лили слезы над разделом патриархальной крестьянской семьи, вздыхали по поводу замены самотканой серьмяги пиджаком, лаптей сапогами, сокрушались о развращенности уходящих на фабрики в город парней и девушек и в утешение убеждали себя и своих читателей, что это лишь случайное, временное, а «устой» по прежнему крепки».

Вот эта фанатическая вера в незыблемость общинных устоев России и диктовала народникам их безразличное отношение к «политике», т. е. к вопросам политического устройства страны. Признавалось, что политические свободы нужны лишь буржуазии Запада, что они лишь придаток капиталистического строя, а русское крестьянство, в недрах которого бессознательно живут социалистические инстинкты, сразу шагнет непосредственно к социализму... Вот почему всякие разговоры о необходимости вести борьбу за политическую свободу рассматривались народовольцами, как «дребедень», самая же борьба объявлялась чуть-ли не изменой делу народа. Когда «Народная Воля» оказалась вынужденной вступить в политический поединок с самодержавием, то она рассматривала свою борьбу лишь как выполнение кратковременного задания—захвата активной интеллигенцией политической власти и вручения ее крестьянской массе, которая и воплотит в жизнь идеалы социализма. Политическая борьба оставалась для народовольцев с теоретической точки зрения ненужной и даже вредной, к ней прибегали, повторяем, лишь как к кратковременному компромиссу между теорией и практикой.

Как мы уже указали выше, очутившись за границей, Плеханов поставил первой задачей усиление своих теоретических знаний и проверку при помощи научного социализма некоторых сомнений, возникших у него в России. Уже чрез некоторое время Плеханову стало ясным, что научный социализм, воплощенный в марксистскую теорию, не только не оправдывает народнического подхода к русскому революционному процессу, но наоборот, его опровергает.

Народничество верит в то, что Россия минует капитализм. Марксизм доказывает, что ни одна страна не в состоянии перепрыгнуть чрез естественные стадии своего хозяйственного развития и что капитализм является одной из таких стадий.

Народничество верит в «социалистические инстинкты» русского крестьянина, с презрением и сожалением рассматривает рабочий класс, твердит о его отсутствии в России.

Марксизм доказывает, что пролетариат является единственным революционным классом, способным раскрепостить современное общество.

Народничество видит в политической борьбе лишь вынужденную уступку действительности, печальную необходимость.

Марксизм доказывает, что всякая политическая борьба есть борьба классовая, а лишь чрез последнюю лежит путь к социализму.

Как быть?

«В глубине нашей души», рассказывает о том времени Г. В. «начал пошевеливаться червяк раз'едающего сомнения». Чрез несколько месяцев Плеханов, по его собственному свидетельству, был уж наполовину социал-демократом. Однако, еще в течение некоторого времени Г. В. продолжает оставаться народником. За границей грань между «Народной Волей» и «Черным переделом» стерлась, и Г. В. развернул свою литературную работу совместно с народовольцами. Он принимает участие в издании собрания популярных брошюр о социализме под общим заглавием: Русская Социально-Революционная библиотека», переводит на русский язык «Коммунистический манифест», становится совместно с П. Л. Лавровым и Степняком-Кравчинским одним из редакторов «Вестника Народной Воли».

Постепенно однако, трещина, отделяющая Плеханова от народнической теории, начинает все расширяться, вскоре ему приходится оставить работу в «Вестнике Народной Воли» и в 1883 году он, окончательно порвав с народничеством, уходит под знамя марксизма.

В том же году Плеханов, Лев Дейч, Вера Засулич, В. Б. Игнатов и П. Б. Аксельрод основывают первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение Труда».

Тяжела и сугуба ответственна была задача, павшая на долю первых русских марксистов, этих нескольких работников первого часа, выкинувших *вне* России, но *для* России знамя научного социализма. Их было там не много, что еще чрез пять лет после их первого выступления остряки указывали, что все русские марксисты могут поместиться на одном диване.. Вспоминая об этом времени, Г. В. впоследствии говорил:—нас была небольшая кучка, над нами смеялись, нас называли утопистами, но я скажу словами Лессаля: нас было очень мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много..*)

Первым печатным выступлением русского марксизма была статья Плеханова «Социализм и политическая борьба». Написанная еще до его разрыва с «Народной Волей», она подвергала в осторожной по внешности и глубокой по своему содержанию форме основные положения народничества:

«Социализм и политическая борьба» появились на свет, как результат того кризиса, который Плеханов пережил за три года его пребывания вне России и на причинах которого мы остановились выше. Этот кризис закончился для Г. В. переоценкой ценностей—в сторону от народнических утопий к марксову социализму. Мучителен был для молодого революционера разрыв с традициями, которые были освящены героизмом освободительной борьбы и личным уважением к учителям—вождям. Читая «Социализм и политическую борьбу»; чувствуешь как осторожно порывал Плеханов с народничеством. Но в то же время четко и ясно намечал Г. В. линию своего расхождения с недавними единомышленниками... «Стремление работать в народе и для народа», писал Плеханов в предисловии к своей брошюре, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса»—эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. *Теоритические* же его положения, действительно, «кажутся мне ошибочными во многих отношениях»**. Плеханов заявлял о том, что стихийные народные бунты не могут привести Россию к социализму, что необходимо создание в ней сильной и хо-

*) Из речи на заседании Петроградского Совета 13 апреля 1917 г.

***) Социализм и политическая борьба. Предисловие Стр 1.

рошо организованной *рабочей* социалистической партии, что теория русской самобытности обозначает застой и реакцию. «Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа», заявлял Плеханов. Этому требованию жизни он и подчинялся, хотя такой пересмотр обозначал разрыв с единомышленниками...

В первой части своей работы Плеханов изложил основные положения научного социализма, во второй — он дал ответ на вопрос, стоявший к тому времени пред русскими социалистами — об отношении между «экономикой» и «политикой», намечал программу революционного действия. И та и другая части обнаруживали в молодом Плеханове человека большого революционного чувства, марксиста, умело владевшего диалектическим методом исследования, внимательного наблюдателя русской общественной жизни, прилагавшего к ней западно-европейское историческое мерило...

Автор «Социализма и политической борьбы» подверг одинаково жестокой критике отношение к политическому вопросу обеих фракций русского социализма того времени: бунтарей-бакунистов и народо-вольцев с их заговорщицкими наклонностями.

Для бунтарей всякое участие в политической жизни современного государства являлось, как и для их европейских собратьев-анархистов, губительной сделкой с «демоном буржуазного государства». Твердо веря в антигосударственные инстинкты русского народа, доказанные всей его историей, бунтари фанатически отвергали всякое «политиканство». Вся программа нашего бунтарства сводилась, по словам Плеханова, к следующим немногим словам. Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия — и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства.

Народовольцы, наоборот, огнюдь не отрицали политики, но сводили ее целиком к заговору с целью захвата государственной власти.

Плеханов выяснял, в каких жестоких противоречиях запутались эти бланкисты с их «узкой и безнадежной философией русской истории», которая в своем логическом завершении должна была приводить к признанию экономической отсталости России союзником революции. Обличая непоследовательность русских революционеров, Плеханов заявлял:

— Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрощать старуху—историю потоптаться на одном месте, пока они продолжают для нее новые более прямые и торные пути...*)).

«Революционизируя» головы своих недавних единомышленников, Плеханов призывал их порвать с бунтарскими теориями, во власти которых они находились и примкнуть к мощному движению «социальной демократии Запада», овеянному благодарным влиянием марксова учения. Развивая пред русскими социалистами основные положения теории великого учителя пролетариев всех стран, Плеханов изобразил процесс постепенного созревания классового сознания рабочего класса, его движения по пути к «конечной цели» и достижение этой цели в словах, сохраняющих глубокий, животрепещущий интерес вплоть до наших дней.

Государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его (рабочего класса,—С. В.) притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственно защиты, но не возможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет... Лишь постепенно становятся они (рабочие.—С.В.) грозной силой, исключаящий в умах противников всякую мысль о сопротивлении... Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе **).

Так развернул Плеханов чуждое дотоле русским социалистам представление о революции как о последнем акте в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь поскольку она делается политической. Полны захватывающего интереса и те страницы «Социализма и политической борьбы», в которых Плеханов дал ответ на вопрос: «Что делать русским револю-

*) Социализм и политическая борьба. Стр. 112 сочинении Плеханова Петроград 1920 Г. I.

***) Там же Стр. 120.

ционерам?» То был первый в истории русской социалистической мысли ответ, продиктованный трезвым учетом соотношения общественных сил, проникнутый точным представлением о российской политической действительности, свободный от самобытных бунтарских утопий.. В статье Плеханова русский социализм впервые отправным пунктом для построения своей программы взял факт наличия в России капиталистического процесса. Зло и едко указывал Г. В. народникам, что этого процесса не остановят ни опасения революционеров, ни реакционные иеремиады; он звал их отказаться от выкраивания фантастических планов заворщицкого захвата власти и понять, что одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, «указывает на полное непонимание этого вопроса».

В «Социализме и политической борьбе» Плеханов выступил отнюдь не противником захвата власти рабочим классом. Наоборот, он подчеркивал в своем выступлении, что «достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти». Для этого рабочий класс должен достигнуть определенной ступени развития и своего классового сознания. Классовое самосознание должно помочь русскому пролетариату в разрешении той сложной ответственной задачи, которую ставила пред ним жизнь: притягивать на свою сторону буржуазию, использовать ее в своих интересах, поскольку она становится в оппозицию самодержавию, поскольку она готова бороться с деспотизмом, но в то же время вести с ней классовую борьбу.

Революционная партия должна помнить, что для создания нового социального строя недостаточно экспроприровать крупных землевладельцев и капиталистов. Для этого нужно реорганизовать самое производство, что возможно, конечно, лишь при определенных экономических отношениях в стране. «Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который бы делал эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны». Этого характера экономических отношений Плеханов не мог, конечно, увидеть в России восьмидесятых годов. Вот почему он и считал, что всякое революционное правительство, которое придя к власти в результате заговора—восстания, попыталось бы насаждать в России социализм, неминуемо бы погибло.

Такое правительство должно было бы «не санкционировать» а «совершить экономический переворот», если его не снесет волной народного движения, если только оно встретит достаточно повиновения со стороны производителей... Но декретами не создать условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений... *) >

Таким образом Плеханов считал, что в условиях тех экономических отношений, которые господствовали в России того времени, «единственной не фантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России,—с другой...» Ограничивая деятельность революционеров этими узкими по сравнению с размашистыми планами бунтарей рамками, Плеханов отнюдь не предавался каким-либо иллюзиям. Он отлично понимал, что политическая свобода, борьбу за которую он объявлял первой задачей русских социалистов, не принесет рабочему классу России раскрепощения.. Никогда не упуская из виду жестоких уроков, полученных пролетариатом в западно-европейских революциях, он понимал, что «требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства». Рабочая партия России может подобно своим французскому и германскому собратьям завоевать политическую свободу для либеральной буржуазии, но последней это не помешает, конечно, взять в скорпионы «исключительных положений» своего вчерашнего союзника, лишь в нем минует необходимость... Дабы избежать этого, социалистическая партия должна позаботиться об изменении фактического соотношения сил в пользу рабочего класса. При этом надо, однако, строго разграничить моменты падения самодержавия и социалистической революции. «Вести революционную борьбу с расчетом на то что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества—значит отдалять наступление того и другого».

Заслуживает быть особо подчеркнутым то обстоятельство, что Плеханов, первый из русских социалистов, установивший в России наличие капиталистического процесса и рассматривавший капитализм как необходимый и потому положительный момент нашей истории,

*) Социализм и политическая борьба. Сочинения Т. I. Стр. 147. Изд. 1920.

уж в то время—в начале восьмидесятых годов—был убежден в исторической дряблости и бессилии русской буржуазии. Вот почему он верил, что момент, отделяющий падения абсолютизма от перехода власти в руки рабочего класса, не будет длительным.

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны, писал Плеханов, дают право надеяться, что *социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма* (Курсив наш.—С. В.) Если немецкая буржуазия *«пришла слишком поздно»*, то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным.

Наша великая революция, обнаружившая всю немощь русской буржуазии, блестяще оправдала предсказания Плеханова, сделанные им в рассматриваемой статье.

Брошюра «Социализм и политическая борьба» обнаружила в ее авторе—молодом революционере такое глубокое понимание научного социализма, такой политический глазомер, которым далеко не обладали его старшие товарищи по революционной борьбе... Высказанные Плехановым взгляды явились таким опрокидыванием привычных представлений о русском революционном процессе; они были в такой степени направлены против установившегося течения народнической мысли, что вполне понятными являются те возражения, недоумение и даже враждебность, которые они вызвали.

Брошюра Плеханова была встречена негодующей критикой в среде народников. Против нее выступили наиболее видные вожди народничества того времени и соратники Плеханова по редакции «Народной Воли»—Лев Тихомиров и П. Л. Лавров Г. В. обвиняли в том, что он внес дезорганизацию и разброд в среду революционеров, что он не обнаружил должного уважения, к героическому прошлому «Народной Воли».

В ответ последовали «Наши разногласия»—произведение, которое на ряду с «Социализмом и политической борьбой» может быть отнесено к лучшим страницам русской социалистической литературы. Между этими двумя работами мржно, однако, отметить известную разницу. «Социализм и политическая борьба» была написана до официального разрыва Плеханова с народничеством. «Наши разногласия»—после этого разрыва. Первое из этих произведений пыталось бережливо указать «Народной Воле» ее слабые места, вносило поправки в народническую теорию, выпрямляло ее тактику, и всем тем подтал-

кивало народническую интеллигенцию в сторону марксизма... «Нашими разногласиями» Плеханов подымал перчатку, брошенную ему из народнического лагеря, и опубликовывал свое произведение как манифест тех русских революционеров, которые, перейдя на новый берег, развернули там марксово знамя...

«Наши разногласия» — блестящий политический памфлет, переплетающийся с ценным научным исследованием. В нем Плеханов развернул вширь и вглубь те же вопросы, которые были подняты в «Социализме и политической борьбе». Должна ли Россия пройти через полосу капитализма? Каково отношение русской сельской общины к первобытному коммунизму? В самом ли деле русский крестьянин — «коммунист по инстинкту», как твердили народники? Где тот народный слой, который должен явиться творцом русского революционного дела? и т. д. и т. д.

В работе Плеханова мы находим все эти вопросы поставленными в исторической плоскости и освещенными фактическими данными, почерпнутыми из русской экономической действительности. Опираясь на большой статистический материал, Плеханов показал народникам как глубоко проник капиталистический процесс в недра русского народного хозяйства, как кустарничество сменяется промышленным производством, как расшатывается община, как создаются в России внутренние и внешние рынки.

Плеханов не мог, конечно, ограничиться тем, чтобы показать наличие в России капитализма. Ему предстояла еще одна задача — доказать, что капитализм и неизбежная и положительная ступень в развитии народного хозяйства. Обратившись к западно-европейской экономике, почерпнув из нее большой фактический материал, развернув его пред читателем, Плеханов разрешил и эту вторую задачу не менее исчерпывающе, чем первую.

Вывод, к которому приходил Г. В., в результате своих наблюдений над капиталистическим процессом России и Запада, гласил:

— *За капитализм* вся динамика нашей общественной жизни, все те силы которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая, по временам так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой земледельческой страны *).

*) Наши разногласия. Сочинения, т. I. Стр. 309. Изд. 1920.

В таком случае пред русским социализмом возникал вопрос о том, что же делать ему, что делать русским социалистам, так фанатически веровавшим в самобытность русской истории, в своеобразие русской революции.

Плеханов звал русских социалистов отбросить в сторону трусливые фантазии мелкого мещанства, распрощаться с доморощенным якобинством, оставить свои шатания между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, слиться с рабочим классом...

Он провозглашал, что:

Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров—класс освобождение которого может быть достигнуто, только путем его собственных сознательных усилий.

«Наши разногласия» звали русских социалистов «поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей революцией будущего». Плеханов, однако, подчеркивал, что эта революция не за горами. Верный той мысли, которую он высказал в «Социализме и политической борьбе» касательно немочи русской буржуазии, Г. В. утверждал в «Наших разногласиях», что «наш капитализм ответит, не успевши окончательно расцвести».

В одной из заключительных глав «Наших разногласий» Плеханов, обращаясь к народникам, говорил:

— Мы различаемся с вами в том, что между тем, как развитие современных экономических отношений все более и более удаляет вас от ваших общинных идеалов, наши коммунистические идеалы все более и более приближаются к нам, благодаря тому же самому развитию. Вы напоминаете человека, который отправляясь на север попал в поезд, везущий его на юг; мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исторический поезд, который на всех парах везет нас к нашей цели *).

*) Наши разногласия. Сочинения, т. I. Стр. 367. Пгг. 1920.

Самобытночески—бунтарская логика народников, уязвленная уже «Социализмом и политической борьбой», вполне естественно, жестоко возмущалась вторым выступлением глашатая русского марксизма, резко высказавшим столько еретических, с их точки зрения, мыслей.

Марксистская диалектика Плеханова была объявлена чуть ли не сделкой с дельцами русского капитала. В сознании народников Плеханов выступил как изменник делу революции. Народнические литераторы обвиняли его в невольной игре на руку царизму. «Один из народовольцев», вспоминал впоследствии Г. В., «признался мне года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству»... Книга Плеханова вызвала такое озлобление в среде народнической молодежи, что были случаи, когда ее сжигали в сектански настроенных народнических кружках.

Однако, буря возмущенья, которую Плеханов вызвал «Нашими разногласиями», не в состоянии, конечно, была исказить того великого исторического значения, которое имело его выступление.

Благодаря «Нашим разногласиям» русский социализм стал выше на целую голову: дотеле самобытноческий и бунтарский, он приобрелся работой Плеханова к революционному марксизму.

Если о Плеханове утверждают, что он открыл русский рабочий класс, то в значительной степени он это сделал «Нашими разногласиями».

Роль, сыгранная этим замечательным произведением в развитии русского социализма, огромна. Не будет преувеличением сказать, что для *русского* революционного движения, «Наша разногласия» имели такое же значение, как «Коммунистический манифест» для *мирового*.

При всем том написанные почти сорок лет тому назад, на заре революционного движения, многие страницы «Наших разногласий» сохранили политическую свежесть вплоть до наших дней—эпохи Великой революции.

* * *

«Социализм и политическая борьба», «Наша разногласия» были первой схваткой русского марксизма с народничеством. В начавшейся долголетней борьбе этих двух направлений русского социализма за марксизмом были: сила научной мысли, трезвый учет фактического отношения сил, неуязвимая революционная логика, за народничеством: власть традиции, ореол героической борьбы с деспотизмом, оваянной мученичеством павших борцов. Плеханов оставался неизменным вождем

марксизма в его столь не легкой борьбе с народническим социализмом. До середины девяностых годов, когда на смену группе «Освобождение Труда» пришла из России первая марксистская смена, эта группа несла на себе всю тяжесть борьбы; мозгом же и душой группы был Георгий Валентинович. В течение почти всего первого десятилетия своей деятельности группе «Освобождение Труда» не удавалось наладить постоянной и действенной связи с рабочими массами России. Первая же попытка снабдить русских рабочих марксистской литературой, предпринятая группой, разбилась об арест ныне здравствующего ее члена Льва Дейча, расплатившегося за свою попытку доставить литературу шестнадцатью годами Сибири. Но тем энергичнее старалась группа привлечь под знамя марксизма революционную интеллигенцию, внедрить в ее сознание ту мысль, что главным носителем революционного процесса в России должен и может быть рабочий класс...

Пролетарий—творец русской революции. Эта четко и ясно провозглашенная Плехановым в его первых произведениях мысль была в глазах народников величайшей ересью, граничащей с абсурдом.

В свое время, когда родоначальник научного социализма Карл Маркс заявил, что рабочий класс принесет освобождение человечеству, то один из его противников сказал: «Этот чудак ожидает каких то чудес, которые совершат полтора подмастерья»... Так же были приняты большинством революционной интеллигенции и слова Плеханова касательно русского пролетариата. В то время, когда последняя корчила презрительные гримасы по адресу «полтора подмастерьев», Плеханов уже слышал топот приближающихся рабочих баталионов.

«Творцом новых социальных форм может быть класс общества, связанный с существующими положительными, а не отрицательными нитями; класс, играющий в нем известную самостоятельную роль — класс феодалов, буржуазии, крестьянства, но не класс наемников — пролетариев». Так заявляло народничество устами одного из своих идеологов—В. В.

«Пролетариат—самая мощная из создаваемых историей новых общественных сил. Пролетариат—это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие».*) Так отвечал народникам Плеханов.

*) Русский рабочий в революционном движении. Из «Пролетариат» СПб. 1907. Стр. 92.

Непрестанно возвращаясь к этой мысли, доказывая ее в целом ряде работ, Г. В. сделал на Парижском Международном Конгрессе 1889 года свое, ставшее историческим заявление:

— Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или оно никогда не восторжествует...

Это положение, однако, долгое время встречалось с недоверием в среде западно-европейских социалистов, а в рядах русских социалистов—с усмешкой.

Нужны были долгие годы, в течение которых капитализм пустил корни в толщу русской хозяйственной жизни, расслоил деревню, создал кадры крупной промышленной и финансовой буржуазии, призвал к себе на службу миллионы пролетариев, для того, чтобы можно было воочию убедиться в правоте Плеханова. Уж к середине восьмидесятых годов в Петербурге зарождается социал-демократическая группа, тесно связывающаяся с рабочей массой и выпускающая газету «Рабочий», участие в которой принимал и Плеханов. Быстро растущий капитализм рекрутирует для обслуживания своих нужд все большее и большее число наемных рабочих. Революционная пропаганда бросает в их среду первые семена классового самосознания, ставит наиболее сознательные элементы под марксово знамя. В начале девяностых годов в крупных промышленных центрах создаются уж социал-демократические рабочие ячейки, а в 1896 году разыгрывается всеобщая стачка питерских ткачей и прядильщиков, ставшая переломным пунктом в истории русского рабочего движения. Жизнь начала оправдывать одно за другим положения, выдвигавшиеся основоположником русского марксизма, в свое время казавшиеся такими смелыми и безосновательными.

К концу девяностых годов в России нарождается мощное социал-демократическое течение, приведшее к образованию в 1898 году Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Революционное движение в России начало торжествовать, как дело рабочего класса...

Вернувшись после революции в Россию, Плеханов имел право сказать:

— Моя вера в русский пролетариат оказалась не утопией, а действительностью. Каждый раз, когда мне говорили об утопии я отвечал своим противникам: наши идеалы, наша утопия,—это дей-

ствительность завтрашнего дня. И вот этот завтрашний день стал нынешним днем.

* *
*

С середины девяностых годов борьба между марксизмом и народничеством перенеслась из зарубежной нелегальной печати в легальную русскую прессу. Стирая острые углы революционной терминологии, затушевывая политическую сущность спора, придавая ему характер отвлеченного чисто теоретического расхождения, пряча крамольные имена авторов под покров таинственных псевдонимов, марксизм протаскивал сквозь цензурные ущелья контрабанду своих идей.

Знаменосцем марксизма в новой кампании, как и в предыдущей выступил Плеханов. Его талантом мы, по преимуществу, и обязаны тем, что несмотря на все неблагоприятные условия борьбы, протекавшей под наблюдением недреманного ока царской цензуры, марксизм четко и определенно выявил в ней свое революционное лицо.

Девяностые годы минувшего столетия отмечены в летописях общественной мысли Западной Европы, как эпоха страстной научной дискуссии по вопросу о сущности исторического материализма. Представители академической науки ополчились к тому времени против материализма—народившейся философии пролетариата.

Дискуссия, которая велась вокруг исторического материализма, вызвала отклик и в России. В русских журналах 1892—94 годов, появился ряд статей, «разъясняющих» исторический материализм преимущественно доводами его немецких противников.

Ответом на многочисленные выступления русских критиков исторического материализма послужила книга Плеханова, выпущенная им в 1895 году под псевдонимом Н. Бельтова: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“.

Книга Бельтова с особой силой поставила перед читателем вопросы о прогрессе, о роли личности в истории, о свободе и необходимости, об отношении сознания к бытию, выявила перед ним противоречия механического материализма, мощь материализма диалектического. Все эти моменты предстали перед русской интеллигенцией в новом революционном свете, ярко выделившемся на серо-тусклом фоне эпохи.

«Надо разбудить в толпе героическое самосознание», провозгласила книга Бельтова в эпоху жалкого крохоборчества в ответ всем

тем «архитекторам истории», которые хотели лепить из „толпы“ как из глины все то, что им заблагорассудится.

Книга Бельтова звала хмурых безвольных человечков, которые, подобно чеховскому Иванову, с тяжелой головой, с ленивой душой, без веры, без любви, без цели, как тень слонялись среди людей и не знали, кто они, зачем живут, чего хотят,—к революционному действию, к тому, чтобы „сделать необходимость послушной работой разума“.

Влияние, оказанное книгой Бельтова на умы современников, было совершенно исключительным. По свидетельству одного из историков русского социализма, революционная молодежь под ее непосредственным влиянием покидала народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали запоем в каждом гимназическом кружке. *) Книга Бельтова превратилась в „евангелие русской социал-демократии“, как ее иронически называли противники Плеханова.

Продолжая свою борьбу с народниками в рамках легальной журналистики, Плеханов под псевдонимами Утиса, Каменского, Ушакова, Кирсанова, Волгина и другими выпускает ряд новых работ, с прежней силой-расшатывающих почву, на которой существовало народничество.

* *

В то же время Плеханову приходится направить острие своей революционно-марксистской критики в новую сторону. На этот раз мишенью Плеханова был не самобытный, сотканный из пестрых лоскутов крестьянский социализм народников, а строго выдержанный, причесанный под марксистскую гребенку оппортунистический социализм тех учеников Маркса, которых испугала революционная сущность его учения. В середине девяностых годов, в немецкой социал-демократии наметилось течение, поставившее своей целью „проверить“ марксово учение, его „выпрямить“ и „освободить“ от тех ошибок, которые вкрались в теорию научного социализма. Затеянная этой группой „ревизия“ привела к притуплению всех острых углов марксизма, к замене его революционной сущности реформистскими планами к вытравливанию из марксизма идей, революционного захвата власти и диктатуры пролетариата, к подмене классовой борьбы постепенным изменением капиталистического общества. Весь этот отход от революционного марксизма к либеральному реформизму прикрывался ука-

*) См. Лядов. История РСДРП. Ч. I.

заниями на необходимость „очистить“ марксизм от его засоряющих утопических элементов и подвести под марксизм прочную философскую базу путем возвращения к учению Канта.

Глашатаем „ревизионизма“ выступил известный Германский социал-демократ Эдуард Бернштейн.

Плеханов был не только в русской, но и в международной социал-демократии первым из марксистов, оценивших выступления Бернштейна как противоестественное соединение научного социализма с учением буржуазных философов. Уж в 1898 году, когда Бернштейн был еще одним из влиятельных вождей германской социал-демократии, Плеханов заклеил затеянную им ревизию, как отступничество от марксизма и поставил вопрос ребром: или марксизм похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит марксизм.

В течение трех лет своей борьбы с Бернштейном Плеханов не переставал доказывать, что „ревизия“ это—не случайное политическое или философское заблуждение, а переход из лагеря революционного марксизма в ряды мелко-буржуазных сторонников социальной реформы. Г. В. твердил, что Бернштейн не страшен „но „бернштейниада“ очень страшна, как признак возможного упадка“.

Плеханов не ошибся—«бернштейниада» нашла для себя благодарную почву в русском социализме девяностых годов. Здесь в роли марковского критика выступил Петр Струве—один из тех минутных попутчиков марксизма, которые впоследствии „ему изменили и продали шпату свою“. Статьи Плеханова, направленные против Струве, тесно примыкают к его критике Бернштейна, «Критикуя критиков» марксовой теории, Г. В. писал:

— Историческая миссия наших «критиков» заключается в «пересмотре» Маркса для устранения из его теории всего ее истинно-новаторского содержания. Маркс, имя которого с увлечением повторяется теперь производителями всех цивилизованных стран; Маркс, который призывал производителей к устранению капиталистических производственных отношений,—*этот* Маркс очень несимпатичен нашей образованной мелкой буржуазии, идеологами которой является г. г. «критики». Ее отталкивают его крайние выводы; ее пугает его страсть. Но «по нынешним временам» трудно обойтись и совсем без Маркса его критическое оружие необходимо в борьбе с охранителями всех реакционных цветов и с утопистами разных народнических оттенков. Поэтому надо очистить теорию Маркса от ее плевел; надо противо-

поставить настоящему Марксу, Маркса—реформатора, Маркса—«реалиста». «Маркс против Маркса»? И вот закипает работа «критики». *)

Борьба Плеханова со всеми теми, кто направлял «Маркса против Маркса», кто стремясь от пролетариата к передовым слоям мелкой буржуазии, уродовал и искажал теорию марксизма, составляет одну из лучших страниц его жизни.

В этой борьбе Плеханов был воистину беспощаден к своим противникам, ибо знал, что «тут спор идет о головах». С особой тяжестью он обрушивался на тех, которые своей „ревизией“ задевали философскую сущность марксова учения—диалектический материализм. Диалектический материализм—философия пролетариата; он является сильнейшим из духовных оружий рабочего класса в борьбе за его раскрепощение. Поэтому Плеханов так ревниво оберегал философию пролетариата от всякого искажений ее теориями, „бьющими марксизм по лицу“.

* * *

Г. В. счастливо сочетал в себе и теоретика—мыслителя и практика борца. По вполне справедливому указанию одного из его друзей молодости, Плеханов по своим познавательным наклонностям был исследователем, ученым, философом, по темпераменту—публицистом, воином, трибуном.

В ту пору, когда Плеханов начал свои выступления в защиту диалектического материализма, противники упрекали Г. В. в том, что защищаемая им система не создала такой книги, которая бы давала этой системе оправдание. Плеханов в ответ указывал, что такая «книга» может быть создана только в результате целого ряда теоретических исследований, изучающих различные области общественной жизни посредством марксова метода. Если так, то следует признать, что никто не сделал для создания «книги» т. е. для разработки теории марксизма столько, сколько Плеханов своими философскими, литературно-критическими и историческими трудами.

Но мы уж указывали, что Г. В. был и мыслителем, и борцом.

Вот почему он часто оставлял свой ученый кабинет и, отправляясь на шумные заседания рабочих съездов, окунался в гущу политической борьбы. Занимая ответственные посты председателя совета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и редактора ее

*) Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Сб. «Критика наших критиков». Стр. 124.

центрального органа, Плеханов в своей *практике* оставался тем же революционным марксистом, каким он был в своей *теоретической* деятельности.

В тот момент, когда Плеханов так победоносно заканчивал свой многолетний поединок с народничеством, его зоркий глаз увидел нового врага в лагере русских социалистов, на этот раз в своей собственной, социал-демократической среде. Этим врагом был «экономизм» — русский отзвук «бернштейнианства». Ревизионистское поветрие быстро перенеслось из германской социал-демократии в русскую. Здесь оно было приветливо встречено теми из «попутчиков», которые естественно, должны были отойти от марксизма, лишь только жизнь потребовала, чтобы российская социал-демократия из *пропагандиста* рабочего движения превратилась в его *практического руководителя* на революционном пути. Ничего удивительного нет в том, что в *такой* критический момент со стороны некоторых элементов социал-демократической партии раздались слова, насквозь прочитанные идеями Бернштейна:

— Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный уступает место марксизму демократическому... Стремление партии к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении...

Понятен тот суровый отпор, который встретил со стороны Плеханова этот русский ревизионизм, пытавшийся прикрыть свои оппортунистические склонности заявлениями о необходимости агитации на экономической почве. Г. В. обнаружил, истинную ценность подобных заявлений. Он установил, что «экономизм» — попытка предать забвению классовую борьбу, попытка сблизить пролетариат с буржуазией ценой отказа от революционной сущности марксизма. Плеханов выступил поэтому горячим сторонником исключения «экономистов» из российской социал-демократии. Так поступая, он, конечно, ни в малой степени не проявил сектантского фанатизма. Он лишь оставался верным той своей мысли, которую высказал относительно Бернштейна:

— Во взглядах г. Бернштейна остались теперь лишь слабые следы марксизма... А между тем он остается «товарищем», и его не просят удалить из партии. Говорят: «Как же исключить человека из партии за его взгляд? Это значило бы преследовать за ересь». Люди, рассуждающие таким образом, забывают, что свобода мнений

необходимо должна дополниться свободой взаимного сближения и расхождения и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет идти вслед таких людей, которым лучше разойтись, в виду различия их взглядов *).

Г. В. был всегда глубоко убежден в том, что поскольку *тактические* разногласия между различными группами одной партии переходят определенный предел, расхождение приобретает *принципиальный* характер. В таком случае становится неизбежным *разрыв*.

Всю жизнь придерживаясь этого положения, Плеханов делал из него практические выводы не только по отношению к другим, но и по отношению к себе—тогда, когда он был в меньшинстве.

Столь же губительным искажением марксова учения, как его «укорачивание», приводящее к тому, что Г. В. клеймил как «буржуазную народию на марксизм», он считал всякую примесь к нему утопических и анархических элементов. В таких случаях он действовал столь же резко и беспощадно, как в борьбе с оппортунистами.

Плеханов никогда не принадлежал к тем политическим работникам, о которых французская пословица говорит: «я их вождь и потому я следую за ними». Плеханов был одним из тех вождей, которые всегда идут *впереди* народных масс, указывая им пути к освобождению. Г. В. говорил:— истинный политический разум заключается не в том, чтобы идти по линии наименьшего сопротивления т. е. приспособляться к беспорядочному метанию масс, а в том, чтобы, точно определив линию исторического процесса, вести по ней рабочий класс. При этом никогда не нужно бояться временного одиночества.

Вождь рабочего класса, Плеханов всегда прямо и честно говорил ему в глаза суровую истину, разбивая иллюзии, навеваемые анархическими утопиями. Плеханов утверждал, что подобно царям пролетариат имеет своих придворных льстецов и что эти льстецы ведут рабочий класс к гибели. Эти льстецы, по мнению Плеханова,—революционеры из буржуазной среды, которым преувеличенные надежды нужны «как воздух» и которым кажется скучной, долгой кропотливой работой систематического воздействия на массу. Заражая пролетариат своим романтическим оптимизмом, они превращают этот оптимизм в проклятие всякого молодого рабочего движения. Когда Плеханова в таких случаях обвиняли в том, что он обезкураживает

(* Сент против Канта или духовное завещание г. Бернштейна «Критика наших критиков» Стр. 152.

рабочие массы, он отвечал словами Робеспьера:—Я обезкураживаю народ говорите вы. Нет, я его просвещаю.

Первый марксистский просветитель русского рабочего класса, Плеханов одинаково хорошо понимал гибельность для него и оппортунистического крохоборства и анархо-бунтарских утопий.

Против того и другого он выступал во всеоружии своих огромных знаний, безупречных логических построений, исключительных полемических способностей.

* * *

Существует требование, удовлетворять которому должен всякий политический деятель,—в особенности если он является вождем революционного класса. Это требование—действенное соприкосновение с массой. Лишь в общении с рабочей массой может почерпнуть вождь пролетариата чувство тактической меры, понимание задач момента, способность отвечать на текущие вопросы дня. Длительный отрыв от массы не может пройти бесследным для пролетарского вождя, какими бы запасами знаний он не обладал, как велики бы ни были его дарования, какой бы безграничной не являлась его преданность рабочему классу.

Жизнь Г. В. Плеханова—блестящее тому доказательство.

Счастливая судьба столкнула Г. В. на первых же шагах его революционной деятельности с передовыми слоями нарождающегося рабочего класса России. Это соприкосновение дало Плеханову благотворный толчок, оставивший глубокие следы на всей его последующей жизни.

Вскоре, однако, вынужденный оторваться от рабочей массы Плеханов больше никогда к ней не был в состоянии вернуться. Сорок лет пришлось Плеханову разрешать практические вопросы русского революционного движения *вне* общения с рабочей массой на конференциях, совещаниях и съездах, общаясь лишь с революционными верхами, составляя себе представление о настроении и состоянии массы лишь по своим наблюдениям из эмигрантского далека.

Как бы велик не был Плеханов, это обстоятельство нередко оказывалось сильнее его: оно время от времени искривляло линию его тактического поведения, искажало пред ним перспективу революционной борьбы, разыгрывающейся в России. Это приводило к тому, что великий социалист, не знавший никаких колебаний в своей теоретической деятельности, безупречно—последовательный и прямолинейный в ней, обнаруживал шатания при своей практической работе в российской социал-демократии, начиная с момента происшедшего в

ней раскола. Примкнув сначала к большевикам, перейдя затем к меньшевикам, он затем выступил из обеих фракций. Колеблясь между обоими течениями РСДРП, то приближаясь к одному, то к другому, он делал попытки объединить их, пытался создать и самостоятельную группу, стоящую вне фракций.

Однако, несмотря на все свои политико-практические зигзаги, Плеханов все время по справедливости оставался центральной фигурой Российской социал-демократии. У него могли быть шатания, могли быть и были ошибки, но огонь революционного марксизма никогда не потухал в душе Плеханова. Как ненавидел он всех тех, которые подменяли идею революции проектами «штопанья» социальных прорех!.. Как издевался он над теми крохоборами, которые, по выражению Глеба Успенского, в состоянии вдохновиться мыслью о том, что в будущем историческом периоде почтовые марки станут дешевле на целую копейку!.. Как презирал он всех заменяющих «конечную цель» продвижением медленным шагом и робким зигзагом!..

Нет в марксизме более последовательного врага максималистических утопий, всякого рода бунтов, восстаний, заговоров,—всего того, что он клеймил как вспыскопускательство, нежели Плеханов. Но как мало обольщался этот заклятый враг максимализма благами формальной демократии, как революционно-марксистски представлял он себе переход власти в руки рабочего класса.

Когда Эдуард Бернштейн живописал преимущества демократии, утверждая, что она уничтожает классовое господство, Плеханов ему отвечал:

— Что демократия уничтожает классовое господство, это есть не более, как выдумка г. Бернштейна. Она оставляет его существовать в той области, к какой собственно и относится понятие о классе т. е. области *экономической*. Она уничтожает только *политические привилегии* высших классов. И именно потому, что она не уничтожает *экономического* господства одного класса над другим,—буржуазии над пролетариатом—она не устраняет также ни взаимной борьбы пролетариата с буржуазией, ни необходимости для пролетариата бороться всеми теми средствами, какие только могут в данное время оказаться *целесообразными*.

Революция—жестокый и мучительный процесс, она неизбежно влечет потрясения. Виной тому не она, а уклад жизни, ее порождающий. Этого никогда не поймут Маниловы, но обязаны понимать марксисты. Плеханов не раз подчеркивал это обстоятельство:

— Рассуждая «по человечеству», всякий не поврежденный человек согласится с тем, что «потрясения», *взятые сами по себе*, ничего *жизнеспособного* в себе не заключают. Но всякий не ослепленный пред-
рассудками человек должен также признать, что демократическая конституция совсем не обеспечивает от такого обострения классовой борьбы, которое может сделать неизбежными такие потрясения и перевороты. *)

Диктатура класса—один из неизбежных актов классовой борьбы. Злу можно сопротивляться насилием: К этому насилию надо прибегать тогда, когда оно может ускорить рождение нового общественного уклада жизни, долженствующего сменить старый, одряхлевший.

Вот почему Плеханов на втором съезде Р.С.Д.Р.П. определенно заявляет:

— Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться.

Заслуги Плеханова пред русским рабочим движением исключительны.

В одной из своих статей Г. В. высказал мысль, что рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра—довести до конца процесс европеизации России. Начатое когда-то сверху—железной волей самого деспотического из русских правителей,—оно будет закончено снизу—путем освободительного движения самого революционного из всех классов, какие знает история. Цитируя слова Герцена о том, что в России нет народа, а имеется лишь коленопреклоненная толпа и палач, Плеханов говорил: «В лице рабочего класса в России создается народ в европейском смысле этого слова».

Понятно, что в то время, как в России противостояли друг другу толпа и палач, в ней могли рождаться лишь носители азиатской идеи единоличного бунта. Новые производственные отношения, сложившиеся в России в последние десятилетия девятнадцатого века, должны были родить в ней «народ в европейском смысле слова»—рабочий класс. Этот народ устами ткача Петра Алексеява сам предъявил свое право на жизнь.

— Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступить на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы... Подымется мускулистая рука рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками разлетится во прах!..

*) Сант против Канта «Критика наших критиков». Стр. 145.

Народившийся рабочий класс должен был выдвинуть и своих идеологов—вождей. Таким вождем был Плеханов. Карлейль называет великих людей «начинателями». Г. В. был «начинателем» научного социализма в России, первым западником в истории нашего революционного движения. Конечно, и без Плеханова российское революционное движение ступило бы на путь, освещаемый научным социализмом. Если бы Плеханов восемнадцатилетним юношей был повешен где нибудь в Шлиссельбургской крепости, все равно в России создавалась бы марксистская партия, которая приобщила бы наше рабочее движение к мощному потоку западно-европейской социалистической мысли—поставила его под знамя марксизма. Заслуга Плеханова в том, что он *первый* обнаружил в недрах российской общественной жизни те предпосылки, которые толкали рабочий класс России на роль руководителя революционного движения. Тем самым он способствовал тому, что российский пролетариат из «*класса в себе*» т. е. класса, еще не сознавшего своей общественной роли, превратился в «*класс для себя*» т. е. осознал свою общественную роль, ее пониманием насквозь проникся.

— В одной из своих статей посвященных Петру Струве Плеханов говорит:

— Процесс возникновения материальных условий, необходимых для решения данной общественной задачи, не может быть подмечен одновременно *всем тем* «человечеством», которому современем придется решать эту задачу. Это «человечество» состоит из слоев и из отдельных лиц, отличающихся неодинаковой степенью развития (слои) или даже неодинаковыми природными дарованиями (отдельные лица). То, что уже понято одними как историческая необходимость, часто еще и не подозревается другими. В группе людей, идущих по одной дороге, почти всегда найдутся *дальновзоркие*, видящие предметы на большом расстоянии и *близорукие*, различающие эти самые предметы только вблизи¹⁾.

Роль великих исторических деятелей и заключается, по мнению Плеханова, в том, что они являются *дальновзоркими*. В особенности это относится к деятелям рабочего движения, которые уже видят то, чего еще не видят другие производители. Разясняя им, куда им предстоит направиться в будущем, они осмысливают их движение и ускоряют его.

В таком случае Плеханов должен быть признан самым *дальновзорким* деятелем российского рабочего движения.

1) Г-н П. Струве в роли критика. . . Стр. 119

В тот момент, когда спорили по вопросу о самом *существовании* в России рабочего класса, Плеханов предсказал, что революционное движение в России может восторжествовать только, как движение *этого* класса или оно никогда не восторжествует.

В тот момент, когда только зарождалась российская социал-демократия, Плеханов предсказал разрыв социал-демократической «Горы» с социал-демократической «Жирондой».

Таких примеров можно было бы привести множество. Они все свидетельствуют о *дальновзоркости* Г. В.

В этом—его величие...

* * *

Без преувеличения можно сказать, что Плеханов был одной из центральных фигур не только *российского*, но и *международного* рабочего движения. В блестящем созвездии имен Второго Интернационала—Бebelь, Жорес, Гед, Каутский, Вильгельм Либкнехт, Виктор Адлер, Роза Люксембург—имя Плеханова была одним из самых уважаемых.

Уже его первое выступление пред лицом международного социализма было глубоко знаменательным.

Со времен Бакунина привыкли европейские социалисты слышать от русских революционеров уверения в том, что Россия готова к революции, что нужен удачный заговор, успешное восстание для того, чтобы великая крестьянская страна, верная своему коммунистическому инстинкту, сделала скачок в царство социализма.

В июле 1899 года в Париже собрался—впервые после распада Первого Интернационала—международный социалистический конгресс. В первый раз выступил на интернациональном конгрессе от имени России не утопист-романтик, а революционер, стоящий на высоте научного социализма. В своем докладе конгрессу Плеханов заявил:

— „Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для *борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой*. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может¹⁾...“

¹⁾ Стенограмма речи Г. В. Плеханова на Международном Рабочем Социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июня 1899 г.).

С тех пор Плеханов оставался неизменным представителем российской социал-демократии на интернациональных конгрессах. В качестве докладчика по важнейшим вопросам мирового рабочего движения и члена Международного Социалистического Бюро он сделался одним из наиболее любимых вождей Интернационала. Если мы выше говорили, что Г. В. был первым западником в истории русского социализма, то с таким же правом можно назвать его первым русским в западно-европейском научном социализме.

В Интернационале Плеханов выступает таким же непреклонным борцом за революционный марксизм, каким он был и в своей литературной деятельности, и в своей практической работе среди российской социал-демократии.

Когда на Втором Интернационале появились первые, еще еле заметные пятна оппортунизма, Плеханов предсказал, что если этих пятен не стереть, то они превратятся в ржавчину, которая раз'ест международное социалистическое движение. Об этом он заявил за два десятка лет до мировой войны, обусловившей распад Второго Интернационала.

На Парижском конгрессе Интернационала в 1900 году Плеханов выступает уж застрельщиком борьбы с тем оппортунистическим уклоном, который наметился во французском социализме на исходе XIX века. Он клеймит этот уклон, как победу мелко-буржуазных предрассудков, принесенных во французский социализм перебежчиками с левого крыла буржуазии. Он борется с компромиссной политикой Каутского в вопросе об участии социалистов в буржуазном министерстве. Он требует внесения революционной ясности в постановления конгресса, безоговорочного осуждения тех, которые затемняют классовое самосознание пролетариата.

Через четыре года—на Амстердамском конгрессе—Плеханов своей борьбой с международным оппортунизмом вписывает одну из лучших страниц в историю Второго Интернационала.

Прочтите произнесенные им на этом конгрессе речи по вопросу о „международных правилах социалистической политики“. Какая непоколебимая уверенность в том, что социалистический пролетариат является единственным в настоящее время носителем прогресса, единственным защитником угнетенного человечества. Какой суровый гнев по адресу отступников социализма—Милльеранов, покрытых кровью рабочих Шалона и Мартиньки. Какие уицтожающие характеристики «тоже-социалистов» из английской рабочей партии, эс-эров и других.

Какие великолепные пожимания плечами по поводу «мягких» резолюций Вандервельде—Адлера, выступавших в качестве примирителей правого и левого крыла конгресса. Какие ядовитые стрелы злой иронии, одна за другой пускавшиеся в «первосвященника оппортунизма всех стран»—Жореса!...

Амстердамский конгресс—одна из самых ярких точек в жизни Второго Интернационала. В известной степени в этом заслуга Плеханова, победоносно водрузившего знамя революционного марксизма в борьбе с таким опасным противником, каким был великий трибун Жан Жорес.

Плеханов отлично учитывал, каким серьезным врагом революционного движения является приспособленчество оппортунизм какой длительной и напряженной борьбы требует победа над ними. Вот почему на каждом конгрессе Интернационала Г. В. с неослабевающей силой эту борьбу возобновлял. После победы над оппортунизмом в Амстердаме он писал:

— Очень возможно даже—увы!—очень, вероятно, что современный социализм вплоть до самой революции, т. е. до завоевания власти пролетариатом не излечится от оппортунистической язвы... Наш неприятель, хотя и поражен, но еще не уничтожен... Марксисты должны, не теряя ни минуты, преследовать потерпевшего поражение неприятеля, а не лстить себя тою приятною, но пока еще не основательной уверенностью, что он уже не существует¹⁾.

Борясь с оппортунизмом, Плеханов не упускал из виду и другой опасности, грозившей Интернационалу,—анархизма.

Анархизм всегда рассматривался Плехановым, как пагубное искажение революционного движения, вредное для интересов рабочего класса. „Анархизм“, говорил Г. В. „несмотря на свой грим крайней революционности, есть ничто иное, как дитя буржуазии. Лишь в пресыщенном до мозга костей, испорченном буржуазном обществе, где давно давным умерла всякая вера, где искренние убеждения кажутся смешными... внимают песням анархистской сирены... Во имя революции анархисты служат делу реакции; во имя нравственности они одобряют самые безнравственные действия, во имя индивидуальной свободы они попирают ногами все права своих ближних²⁾...“

¹⁾ В Амстердаме. Искра от 20 сентября 1904. № 74.

²⁾ Анархизм и социализм. Перевод с немецкого. Изд. „Пролетариат“ С.П.Б., 1907. Стр. 77.

* * *

Плеханов немилосердно разбивал анархические утопии, поскольку они выплывали на конгрессах Интернационала. Так было в Цюрихе в 1893 г., когда голландски анархо-синдикалист Ньювенгуйс выступил с проектом военной забастовки на случай войны. Так было в Амстердаме в 1904 году, при обсуждении вопроса о всеобщей стачке. Плеханов заявил, что те мероприятия, относительно которых анархисты полагают, что их осуществление заставит задрожать государей на своих тронах, в самом деле даст им повод ехидно усмехнуться по поводу легкомыслия вождей рабочего движения.

Таким же блеском, как его выступления против приспособленчества и анархо-синдикализма, отличаются и выступления Плеханова в Интернационале по вопросу о социалистах и войне.

На том же заседании Цюрихского конгресса 1893 года, на котором он выпустил против утопического проекта Ньювенгуйса, называя его пустой фразой, лишенной практического смысла, Плеханов предложил резолюцию, зовущую революционную демократию всех стран восстать всеми находящимися в ее власти силами против шовинистических appetitов господствующих классов. „Она“, говорилось в резолюции, „должна неослабно работать над сокрушением капитализма, который разделил человечество на два враждебных лагеря и который натравливает народы друг на друга“.

Той же верностью революционному интернационализму проникнуты выступления Плеханова по военному вопросу и в Штутгарте в 1907 году и в Копенгагене в 1910 году.

Тем более трагической явилась та позиция, которую Плеханов занял по отношению к мировой войне в момент ее возникновения и на которой он оставался до конца.

Непримиримый Плеханов, этот заклятый враг милитаризма, на Цюрихском конгрессе заявивший, что *поражением* Россия немцы могут спасти Россию; непримиримый Плеханов, во время русско-японской войны, публично братающийся с японцем Сен—Катаямой и тем самым делающий свое имя мишенью для нападок мещан всех стран; непримиримый Плеханов, в 1906 г., в ответ на анкету „*Vie socialiste*“, заявивший, что „революционный пролетариат должен подняться выше идеи отечества“,—непримиримый Плеханов на позиции крайнего оборончества, гражданского мира и войны до победного конна!...

Военная позиция Плеханова—одна из самых тяжелых ран, нанесенных мировому рабочему движению бойней четырнадцатого—восемнадцатого годов, так жестоко опустошившей передовые ряды Интернационала.

* * *

Одной из центральных фигур российской революционной эмиграции Плеханов сделался вскоре после своего бегства из России. Уж к концу восьмидесятых годов департамент полиции признавал, что Плеханов „заправлял делами этой партии“ и пользовался „большим между социалистами почетом“.

„Почетом“, которым по характеристике охраны—Плеханов пользовался в международном социалистическом движении, он обязан помимо основного—тех его свойств, на которых мы останавливались выше, также и его способности спорщика—полемиста. Борьба за истину, спор, полемика—были стихией Плеханова. Г. В. можно смело назвать спортсменом полемики.

Плеханов любил часто повторять слова Вильгельма Либкнехта о том, что социалисты никогда не должны оставаться на оборонительной позиции, а всегда переходить к наступлению. Он не только повторял эти слова, но и следовал им. Недаром он так и назвал сборник своих статей, посвященных борьбе со всякого рода искажениями марксова учения.

— От обороны к нападению.

Г. В. никогда не ограничивался тем, что он успешно отбивал неприятельскую атаку на ту или иную позицию научного социализма, а всегда сам переходил в контр-наступление.

К Плеханову так идут слова Герцена, сказанные им о Белинском:

— Да, это был сильный боец. Он не умел проповедывать поучать; ему надобен был спор! Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касалось до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть; он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и, по дороге, с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль.

Излюбленный прием плехановской полемики—безпощадная, убийственная для противника ирония. Г. В. всегда считал, что ничтожное можно убить только смешным. Поэтому Плеханов, этот, как о нем поется в одной эмигрантской песенке „суровый, мрачный бог эс-де-

ков“, никогда не выпускал оружия злой или язвительной насмешки. Он пускает в ход это оружие во всех случаях, когда толстокожий противник не поддается доводам его логических построений.

— О, ирония, святая ирония, приди ко мне—я преклонюсь пред тобою!—Плеханов, так часто повторял эти слова Прудона, ибо он, действительно, „преклонялся“ пред иронией, ибо дух ее никогда не отлетал от него.

Серьезные люди, сказал как-то Г. В., упрекнул меня, пожалуй, в том, что я так часто смеюсь... Серьезные люди будут неправы: Маркс давно и очень серьезно заметил, что смеяться над смешным это—то и значит относиться к нему серьезно...

Пронизанные иронией, выступления Плеханова в то же время были озарены неизменной бодростью духа, незыблемой верой в торжество идеалов социализма.

„А все-ж таки вертится“, „Весело жить в такое время“, „Будь что будет, а будет и на нашей улице праздник“—этими выражениями пестрят все выступления Плеханова. Вся жизнь Г. В.—это железная, непреклонная воля к победе, это неиссякаемая вера в победу. Но то была не *религиозная* вера, а вера, покоящаяся на твердом фундаменте *знания*. „Наш идеал“, писал Плеханов, „это действительность будущего за его осуществление ручается нам весь ход современного общественного развития и вот почему наша уверенность в его будущем осуществлении имеет в наших глазах также мало родственного с „религией“, как и уверенность в том, что солнце, „севшее“ сегодня, не поленится „взойти“ завтра. Это вопрос более или менее безошибочного знания, а вовсе не более или менее твердой веры,“¹⁾

Характеризуя Плеханова, чельзя, конечно, пройти мимо его личного обаяния, производившего неотразимое впечатление. Для того, чтобы получить представление об этой стороне его многогранной личности, достаточно привести несколько штрихов, отмеченных лицами, по разному относившимися к Г. В.

— Все, встречавшиеся с Плехановых, навсегда запоминали его, казалось, пронцавшие собеседника насквозь глаза, смотревшие то сурово из-под чрезвычайно густых бровей и длинных ресниц, то с иронической насмешкой. (Лев Дейч).

— Редкая память, которая давала ему возможность в обыкновенной беседе очаровать игрой всевозможных цитат, сравнении, вос-

¹⁾ Г. П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития. Сб. „Критика наших критиков“. Стр. 115.

поминаний, громадная находчивость, которая делала его в дискуссиях положительно непобедимым, ясный ум, умение одновременно дать громадное наслаждение собеседнику, слушателю, читателю и в то же время передать ему массу содержания в легкой доступной форме— все это делало из него популяризатора, мыслителя-артиста, совершенно необычайного (А. В. Луначарский).

— С ясной, научно-отшлифованной концепцией программы в голове, уверенный в себе, в своих знаниях, в своей силе, с веселым ироническим огоньком в глазах, с колючими и тоже веселыми усами, с чуть-чуть театральными, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, сидевший председателем, освещал собою всю многочисленную секцию, как живой фейерверк учености и остроумия. Отблеск его вспыхивал обожанием на всех лицах и даже на лицах оппонентов, где восторг боролся со смущением (Л. Д. Троцкий).

— Чарующий тембр голоса, чудесное произношение, ясная дикция; строго литературная речь, словом классическая форма ораторского искусства, приковывала эстетическое внимание слушателей. Но власть Плеханова над аудиторией объяснялась не только формой. Действовало, как всегда во всем главным образом содержание, погружая всех слушателей без всякого исключения в восторженное состояние, вызывая высокий духовный подъем и усиленную работу мысли (Л. И. Аксельрод).

* * *

Вскоре после революции Плеханов вернулся на родину.

Все, которым довелось быть в ночь на 13 апреля семнадцатого года на Финляндском вокзале в Петербурге, помнят как десятки тысяч рабочих и солдат, представители социалистических партий и революционных организаций встречали Плеханова, склонив красные знамена пред отцом российской социал-демократии.

Со свойственной ему прямолинейностью Плеханов уже здесь, только ступив на родную почву, поплыл против течения, защищая ту точку зрения на войну, которую он отстаивал с самого начала ее.

Измученной трехлетней бойней рабочей и солдатской массой, жаждавшей конца войны, слова Плеханова показались такими чуждыми и непонятными. Между нею и Георгием Валентиновичем пробежал здесь первый ветерок недоверия.

Прибыв в Россию, Плеханов со свойственной ему страстностью и решительностью продолжал защиту своей позиции—войны до сокрушения германского милитаризма и оценки революции семнадцатого

года, как последней буржуазной революции в Европе. Мятущиеся революционные массы, стихийно, восставшие против войны и породившего ее экономического уклада, с величайшей враждебностью отнеслись к этой позиции. В толпе заговорили об «измене» Плеханова, о забвении им интересов рабочего класса. Г. В. оказался вне великого революционного потока, залившего Россию.

Плеханов пережил глубочайшую трагедию идейного одиночества в момент того революционного взрыва, подготовке которого он отдал всю свою жизнь.

В октябре 1917 года произошел в жизни Г. В. эпизод—один из тех, которые неизбежны, когда революционный смерч восставшего народа сталкивается с действительными или мнимыми препятствиями на своем пути, но которые приводят в содрагание каждого сознательного революционера.

Кучка красногвардейцев, из тех, которые увековечены Александром Блоком в «Двенадцати», учинила на квартире Плеханова, физически больного и душевно издерганного, обыск. Наэлектризованные событиями, они допрашивали Г. В. «какого он будет сословия», он отвечал, что «того сословия, которое сорок лет боролось за свободу России»; они потребовали у Плеханова «выдачи оружия»,—он сказал, что единственное оружие, которым он владеет—перо... Таких допросов и обысков было несколько. Г. В. ожидал, что его, в конце концов, выведут на двор и пристрелят. Впоследствии он рассказывал:

— Я был слаб от болезни и нетверд на ногах. Я боялся как бы они не подумали, что я страшусь расстрела и я просил кофе, чтобы я мог быть тверд на ногах и не шататься, когда я пойду...

К концу семнадцатого года, болезнь Плеханова начала принимать угрожающие размеры.

Давний туберкулезный процесс возобновил свою разрушительную работу. В то время, когда германский империализм накинуд свой аркан на шею Советской России, Плеханов умирал в санатории Перкьярви—медвежьем углу Финляндии, где справлял свою кровавую оргию палач финских рабочих Менергейм.

30-го мая 1918 г. Георгия Валентиновича не стало. 9-го июня его похоронили в Петербурге на Волковом кладбище—рядом с могилой Белинского. То была последняя воля непримиримого Плеханова—покоиться рядом с неистовым Виссарионом, замечательный образ которого он с таким вдохновением изображал.

* * *

Плеханов умер в момент его трагического разрыва с рабочим классом России, очутившимся по мнению Г. В., в плену «максимализма слева». Борясь с этим максимализмом, Плеханов, однако, ни разу не «перегнул палки» вправо, как то сделали некоторые из группировавшихся вокруг него в 1917 году лиц. Г. В. всячески предостерегал своих единомышленников от роковой ошибки уклона вправо, которая неминуемо бросит их воб'ятия контр-революционной улицы. Он в момент октябрьской революции заявил, что «противники большевизма не должны прибегать ни к заговорам, ни к восстаниям, так как эти методы борьбы неизбежно вызовут взрыв терроризма» ¹⁾. Плеханов заявлял, что большевизм является этапом великой русской революции, что поэтому попытки свержения большевистской власти в союзе с представителями старого общества обречены на гибель ²⁾.

Еще два штриха, относящиеся к тому же моменту жизни Плеханова. Эти штрихи будут не лишними в связи с позорными попытками некоторых бывших людей социализма прикрыть свои черные контр-революционные делишки славным именем великого социалиста.

Когда в ноябре 1917 года Керенский с Красновым во главе небольшой казацкой армии овладел Царским Селом, к Плеханову явился Борис Савинков с предложением Г. В. взять на себя составление министерства, после того, как войска Краснова войдут в Петроград. Г. В. ответил:

— Я сорок лет отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути ³⁾.

Когда тот же Савинков рассказал Плеханову о вероятной победе Краснова, он спросил:

— Что же, если казаки победят, Керенский на белом коне войдет в Петроград?

Собеседник Г. В. промолчал. И тогда Плеханов сказал:

— Бедная Россия ⁴⁾!

¹⁾ См. статьи Конст. Фельдмана в однодневной газете памяти Плеханова — Петербург 9 июня 1918 г. и В. Быстрянского в «Петр. Правде» № 36 за 1920 г.

²⁾ Ст. Ник. Иорданского в Гельсингфорской газете «Путь», № 1 за 1921 г.

³⁾ Из письма Р. М. Плехановой к Н. И. Иорданскому, опубликованному в газете «Варшавское Слово», № 74 за 1920 г.

⁴⁾ Б. В. Савинков. Борьба с большевиками. Стр. 8.

У пролетариата России могли быть размолвки с Плехановым. Но в числе самых одаренных и самоотверженных борцов за раскрепощение труда от капитала, наш рабочий класс одним из первых всегда будет чтить Георгия Валентиновича.

Революционный маяк Плеханова, четыре десятка лет в реакционную бурю и непогоду светивший российскому освободительному движению, еще не раз укажет пролетариату России и его путь в Рабоче-Крестьянской Республике.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
<i>Б. Горева.</i> Карл Маркс	3
Его же. Фридрих Энгельс	15
<i>С. Володарский.</i> Марксизм, как мировоззрение	19
<i>К. Тимирязев.</i> Дарвин и Маркс	26
<i>К. Цеткин.</i> Сущность теории Маркса	33
<i>Н. Ленин.</i> Краткий очерк основ миросозерцания Маркса .	40
<i>К. Каутский.</i> Социалистическая теория и пролетарская борьба .	49
<i>Ф. Энгельс.</i> Развитие социализма от утопии к науке	57
<i>С. Вольфсон.</i> Великий социалист	101
